

В. Иванов

Бронепоезд № 14.69

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В11

В11 **В. Иванов**
Бронепоезд № 14.69 / В. Иванов – М.: Книга по Требованию, 2019. – 77 с.

ISBN 978-5-458-03294-0

ISBN 978-5-458-03294-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019
© В. Иванов, 2019

Всеволод Иванов
Бронепоезд № 14.69

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Бронепоезд «Полярный» под № 14.69 охранял железнодорожную линию от партизанов.

Остатки колчаковской армии отступали от Байкала: в Манчжурию, по Амуру на Владивосток.

Капитан Незеласов, начальник бронепоезда, сидел у себя в купе вагона и одну за другой курил манчжурские сигареты, стряхивая пепел в живот расколотого чугунного китайского божка.

Капитан Незеласов сказал:

— Мы стекаем... как гной из раны... на окраины, а? Затем в море, что ли?

Прапорщик Обаб оглядел — наискось — скривившееся лицо Незеласова, медленно ответил:

— Вам лечиться надо.

Прапорщик Обаб был из выслужившихся добровольцев колчаковской армии, обо всех кадровых офицерах говорил:

— Лечиться надо!

Капитана Незеласова он уважал и потому повторил:

— Без леченья плохо вам.

Незеласов был широкий, но плоский человек, похожий на лист бумаги: сбоку нитка, в груди — верста. Капитан торопливо выдернул новую сигарету и ответил:

— Заклепаны вы наглухо, Обаб!.. Ничего до вас не дойдет!..

И, быстро отряхивал пепел, визгливо заговорил:

— Как вам стронуться хоть немного!.. Ведь тоска, Обаб, тоска! Родина нас... вышвырнула! Думали все — нужны, очень нужны, до зарезу нужны, а вдруг ра-а-счет получайте!.. И не расчет даже, а в шею... в шею!.. в шею!..

И капитан, кашляя, брызгая слюной и дымом, возвышал голос:

— О, рабы нерадивые и глупые!.. Глупые!..

Обаб протянул длинную руку навстречу сгибающемуся капитану. Точно поддерживая валяющееся дерево, сказал с усилием:

— Сволочь бунтует. А ее стрелять надо. А которая глупее — пороть!

— Нельзя так, Обаб, нельзя!..

— Болезнь.

— Внутри высохло... водка не катится, не идет!.. От табаку —

слякоть, вонь... В голове, как насадка, да у ней триста яиц!.. Высидивает. Э-эх!.. Теплень, пар... копошится теплое, слизкое, того гляди... вылезет. Преодолеть что-то надо, а что, не знаю, а не могу?

— Женщину вам надо. Давно женщину имели?

Обаб тупо посмотрел на капитана. Повторил:

— Непременно женщину. В такой работе — каждомесячно. Я здоровый — каждые две недели. Лучше хины.

— Может быть, может быть... попробую, почему мне не попробовать?..

— Можно быстро, здесь беженков много... Цветки!

Незеласов поднял окно.

Запахло каменным углем и горячей землей. Как банка с червями, потела плотно набитая людьми станция. Сыро блестяли ее стены, распахнутые окна, близ дверей маленький колокол.

На людях клейма бегства.

Шел, похожий на новое стальное перо, чистенький учитель, а на плече у него трепалась грязная тряпица. Барышни нечесаные и одна щека измятая, розовая: должно быть, жестки подушки, а, может быть, и нет подушек — мешок под головой.

«Портятся люди», — подумал Обаб. Ему захотелось жениться...

Он сплюнул в платок, сказал:

— Ерунда.

Беженцы рассматривали стальную броню вагонов всегда немного смущенно, и Незеласову казалось, что разглядывают его голого. Незеласов голый был сух, костляв и похож на смятую жестянку из-под консервов: углы и серая гладкая кожа.

Он оглядел вагон и сказал Обабу:

— Прикажете воду набирать... непременно, сейчас. Вечером пойдем.

— В появлении? Опять?

— Кто?

— Партизаны?

Обаб длинными и ровными, как веревка, руками ударил себя по ляжкам.

— Люблю!

Заметив на себе рыхлый зрачок Незеласова, прапорщик сказал:

— Но насчет смертей! Не убивать. А чтоб двигалось. Спокой, когда мясо ржавеет...

Обаб стесненно вздохнул. Был он узкоглазый, с выдающимися скулами, похожими на обломки ржаного сухаря. Вздох у него — медленный, крестьянский.

Незеласов, закрывая тусклые веки, торопливо спросил:

— Прапорщик, кто наше непосредственное начальство?

— Генерал Смирнов.

— А где он?

— Партизаны повесили.

— Значит следующий?

— Следующий.

— Кто?

— Генерал-лейтенант Сахаров.

— А он где?

— Не могу знать.

— А где командующий армией?

— Не могу знать.

Капитан отошел к окну. Тихо звякнул стеклом.

— Кого ж нам, прапорщик, слушаться? Чего мы ждем?

Обаб посмотрел на чугунного божка, попытался поймать в мозгу какую-то мысль, но соскользнул:

— Не знаю. Не моя обязанность думать.

И как гусь невыросшими еще крыльями, колыхая широчайшими галифе, Обаб ушел.

II

Тщедушный солдатик в голубых французских обмотках и больших бутсах, придерживая левой рукой бебут, торопливо отдал честь вышедшему капитану.

Незеласову не хотелось итти по перрону. Обогнув обшитые стальными листами вагоны бронепоезда, он пошел среди теплушек эвакуируемых беженцев.

«Ненужная Россия», — подумал он со стыдом и покраснел.

— Ведь и ты в этой России!

Нарумяненная женщина с толстым задом, напоминавшем два мешка, всунутые под юбку, всколыхнула в мозгу предложение Обаба.

Капитан сказал громко:

— Дурак!

Женщина оглянулась. Были у ней печальные потускневшие глаза под маленьким лбом в глубоких морщинках.

Незеласов отвернулся.

Теплушки обиты побуревшим тесом. В пазах торчал выцветший мох. Хлопали двери с ремнями, заменявшими ручки. На гвоздях по бокам грязных дверей висело в плетеных бечевочных мешках мясо,

битая птица, рыба.

Над некоторыми дверьми — пихтовые ветки и в таких вагонах слышался молодой женский голос.

Пахло из теплушек большим потом, пеленками и подле вагонов густо пахли аммиаком растоптанные испражнения.

Ощущение стыда и далекой, какой-то таящейся в ногах злости не проходило.

Плоскоспинный старик, утомленно подымая тяжелый колун, рубил полусгнившую шпалу.

— Издалека? — спросил Незеласов.

Старик ответил:

— А из Сызрани.

— Куда едешь?

Он опустил колун. Шаркая босой ногой с серыми потрескавшимися ногтями, уныло ответил:

— Куда повезут.

Кадык у него, покрытый дряблыми морщинами, большой, с детский кулак, и при разговоре расправлялись и видны были чистые белые полоски кожи.

— Редко, видно... говорить-то приходится, — подумал Незеласов.

— У меня в Сызрани-то земля — любовно проговорил старик, — атличнейший чернозем. Прямо золото, а не земля — чекань монету!.. А вот поди же ты — бросил.

— Жалко?

— Известно жалко. А бросил. Придется обратно.

— Обратно итти далеко... очень...

— И то говорю — умрешь еще дорогой?

— Не нравится здесь?

— Народ не наш! У нас народ все ласковый, а здесь и говорить не умеют. Китаец, так тот совсем языка русского не понимает. И как живет, Бог его знает! Фальшиво живет. Зачервивешь тут, обратно пойду. Брошу все и пойду. Чать, и большевики люди, а?

— Не знаю, — ответил капитан, идя дальше.

III

Вечером на станцию нанесло дым.

Горел лес.

Дым был легкий, теплый.

Кирпичные домики станции, похожая на глиняную кружку водочка; китайские фанзы и желтые поля гаоляна закурились голубо-

ватой пеной и люди сразу побледнели.

Прапорщик Обаб хохотал:

— Чревовещатели-и!..

И, точно лоя смех, жадно прыгали в воздухе его длинные руки.

Чахоточная беженка с землистым лицом в каштановом манто подпоясанном бечевкой, которой перевязывают сахарные головы, бегала мелкими шажками по станции и шопотом говорила:

— Партизаны... партизаны... тайгу подожгли... и расстреливают...

Ее видели сразу во всех двенадцати эшелонах. Бархатное манто покрылось пеплом, вдавленные виски вспотели. Все чувствовали тосливое томление, похожее на голод.

Комендант станции — солдаты звали его «четырёхэтажным» — большеголовый, с седыми прозрачными, как ледяные сосульки, усами, успокаивал:

— А вы целомудрие наблюдайте душевное. Не волнуйтесь!

— Чита взята.

— Ничего подобного! Уши у вас чрезмернейшие. Сообщение с Читой имеем. Сейчас по телеграфу няньку генерала Нокса разыскивали!

И втыкая в глотку непочтительный смешок, четко говорил:

— Няньку генерал Нокс потерял. Ищет. Награду обещали. Дипломатическая нянька, чорт подери, и вдруг какой-нибудь партизан изнасилует.

Белокурый курчавый парень, похожий на цветущую черемуху, расклеил по теплушкам плакаты и оперативные сводки штабверха. И хотя никто не знал, где этот штабверх и кто бьется с большевиками, но все ободрились.

Теплые струи воды торопливо потекли на землю. Ударил гром. Зашумела тайга.

Дым ушел. Но когда ливень кончился и поднялась радуга, снова нахлынули клубы голубоватого дыма и снова стало жарко и тяжело дышать. Липкая грязь приклеивала ноги к земле.

Пахло сырыми пашнями и за фанзами тихим звоном шумели мокрые гаоляны.

Вдруг на платформу двое казаков принесли из-за водокачки труп солдата-фельдфебеля. Лоб фельдфебеля был разбит и на носу и на рыжеватых усах со свернувшимися темно-красными густками крови тряслось, похожее на густой студень, серое вещество мозга.

— Партизаны его... — зашептала беженка в манто, подпоясанная бечевкой.

В коричневых теплушках эшелонов зашевелились и зашептали:
— Партизаны... партизаны...

Капитан Незеласов прошел по своему поезду.

У площадки одного вагона стояла беженка в каштановом манто и поспешно спрашивала у солдат:

— Ваш поезд нас не бросит?

— Не мешайте, — сказал ей Незеласов и вдруг возненавидел эту тонконосую женщину. — Нельзя разговаривать.

— Они нас вырежут, капитан... Вы же знаете...

Капитан Незеласов захлопнул дверь и закричал:

— Убирайтесь вы к черту. — Пошел, пошел!.. — визгливо кричал он, оберывая матерной руганью приказания.

Где-то внутри росло желание увидеть, ощупать руками тоску, переходящую с эшелонов беженцев на бронепоезд под № 14.69.

Капитан Незеласов бегал внутри поезда, грозил револьвером и ему хотелось закричать громче, чтобы крик прорвал обитые кошмой и сталью стенки вагонов. Дальше он не понимал, для чего понадобился ему его крик.

Грязные солдаты вытягивались и морозили в лед четырехугольные лица. Ненужные тряпки одежды стесняли движения у стальных орудий.

Прапорщик Обаб быстро, молчаливо шагал вслед.

Лязгнули буфера. Непонятно коротко просвистел кондуктор, загрохотало с лавки железное ведро.

Пригибая рельсы к земле, разбрасывая позади себя станции, избушки стрелочников, прикрытый дымом лес и граниты сопков, облитые теплым и влажным ветром падали и не могли упасть, летели в тьму тяжелые стальные коробки вагонов, несущих в себе сотни человеческих тел, наполненных тоской и злобой.

IV

А в это время китаец Син-Бин-У лежал на траве в тени пробкового дерева и, закрыв раскосые глаза, пел о том, как Красный Дракон напал на девушку Чен-Хуа.

Лицо у девушки было цвета корня жень-шеня и пища ее была увэй цзы; петушьи гребешки; ма жу; грибы величиною со зрачок; чжен-цзай-цай. Весьма было много всего этого и весьма все это было вкусно.

Но Красный Дракон взял у девушки Чен-Хуа ворота жизни и тогда родился бунтующий русский.

Партизаны сидели поодаль и Пентефлий Знобов, радостно про-

рывая чрез подпрыгивающие зубы налитые незыблемою верою слова, кричал:

— Бегут, братцы мои, бегут. В недуг души ударило, о-земь бьются, трепыхают. А наше дело не уснуть, а город то-он, у-ух... силен. Все возьмет!

Пахло камнем, морем. О пески шебуршали сухие травы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

Шестой день тело ощущало жаркий камень, изнывающие в духоте деревья, хрустящие, спелые травы и вялый ветер.

И тело у них было, как граниты сопок, как деревья, как травы; катилось горячее, сухое, по узко выкопанным горным тропам.

От ружей, давивших плечи, туго болели поясницы.

Ноги ныли, словно опущенные в студеную воду, а в голове, как в мертвом тростнике, — пустота, бессочье.

Шестой день партизаны уходили в сопки¹.

Казачьи разъезды изредка нападали на дозоры. Слышались тогда выстрелы, похожие на треск лопающихся бобовых стручьев.

А позад — по линии железной дороги — и глубже: в полях и лесах — атамановцы, чехи, японцы и еще люди незнаемых земель жгли мужицкие деревни и топтали пашни.

Шестой день с короткими отдыхами, похожими на молитву, две сотни партизан, прикрывая уходящие вперед обозы с семьями и утварью, устало шли черными тропами. Им надоел путь, и они, часто сворачивая с троп, среди камня, ломая кустарник, шли напрямик к сопкам, напоминавшим огромные муравьиные гнезда.

II

Китаец Син-Бин-У, прижимаясь к скале, пропускал мимо себя отряд и каждому мужику со злостью говорил:

— Японса била надо... у-у-ух, как била!

И, широко разводя руками, показывал, как надо бить японца.

Вершинин остановился и сказал Ваське Окороку:

— Японец для нас хуже барсу². Барс-от допреж, чем манзу³ жрать, лопотину⁴ с него сдерет. Дескать, пусть проветрится, а японец-то разбираться не будет — вместе с усями⁵ слопают.

Китаец обрадовался разговору о себе и пошел с ними рядом.

Никита Вершинин, председатель партизанского революционного штаба, шел с казначеем Васькой Окороком позади отряда. Широкие — с мучной куль — синие плисовые шаровары плотно обтянулись на больших, как конское копыто, коленях, а лицо его, в пятнах морского обветрия, хмурилось.

Васька Окорок, устало и мечтательно глядя Вершинину в бороду,